

клятвонарушители, лгуны, убийцы и т. п.? В научной литературе распространена точка зрения, что в комических сценах песен о богах выразилось либо разочарование в них их прежних поклонников, либо сатира на языческих богов, исходящая из кругов новообращенных христиан; высказывалось мнение, что эти песни свидетельствуют о безрелигиозности германцев. В любом случае в названных песнях усматривали критику, развенчание богов, симптом «кризиса язычества»³.

При этом, как мне кажется, не обращали должного внимания на то, что указанные песни «Старшей Эдды», наряду с комическим и гротескным, имеют и вполне серьезное содержание. Тема смертельной борьбы асов против сил зла и хаоса непосредственно и неразрывно переплетена в них с пародийным смехом по адресу этих же богов. В самом деле, главным объектом насмешек служит Тор. Но он в этих песнях — не только простак и обжора. Прежде всего он — защитник мира богов и людей, сражающийся с великанами и мировым змеем. «Песнь о Харбарде» (как и «Перебранка Локи») застает Тора в момент возвращения из победоносного похода в край чудовищ, и сколь ни комичен бесштаннный Тор, исполнены глубокого смысла его слова о том, что если б он не истреблял великанов, «разросся бы род их // и в Мидгарде⁴ люди // жить не смогли б», (ст. 23). В других упомянутых выше песнях изображены подвиги Тора в боях с великанами. Не многозначительно ли и то обстоятельство, что разбушевавшегося Локи оказался способным принудить к молчанию только Тор? Хотя и на его долю досталось немало оскорблений, все же угроза пустить в ход молот Мьёльнир, которым Тор только что сокрушал великанов, в конце концов заставила Локи удалиться с пира.

Повторяю, комизм — лишь одна сторона этих песен, другая их сторона — в высшей степени серьезная и даже трагическая, ибо война асов с великанами и чудовищами должна завершиться гибелью богов, и этим изначальным трагизмом пронизана в с я эддическая мифология. Вряд ли правильно делить песни о богах на серьезные и комические⁵: все они выражают одно мирозерцание. И лишь в рамках этого единого мирозерцания можно понять функцию комического начала.

В этом смысле я вполне солидарен с профессором Отто Хёфлером, который недавно выдвинул оригинальную гипотезу о комическом в «Старшей Эдде»⁶. Выдающийся германист, давно работающий над проблемами религиозного сознания и культуры германцев, Хёфлер справедливо отвергает расхожее толкование комического в «Старшей Эдде» в качестве симптома «упадка религии», «критики язычества» или «безрелигиозности» и рассматривает комику богов у скандинавов как одно из проявлений «универсальной возможности человеческого духа», как определенный духовный «тип».

К изучению этого «религиозного прафеномена» он подходит, сравнивая эддический материал со специфическими явлениями комики, направленной на богов, у древних греков (в частности, у Аристофана) и в Индии (в «Ригведе»). Во всех этих случаях решающим для правильного понимания отношения к высшим силам Хёфлер считает наличие напряженного

³ За недостатком места я воздерживаюсь от ссылок на специальную литературу. Библиография приведена в статье и комментарии М. И. Стеблина-Каменского к изданию «Старшей Эдды», а также в книге М. И. Стеблина-Каменского «Миф», Л., 1976.

⁴ Мидгард — «Срединная усадьба», согласно представлениям, общим всем германским народам, — мир людей.

⁵ Смешное или трагикомическое спорадически встречается и в наиболее далеких от комики песнях о героях. Вспомним «шутку», учиненную над трусливым поваром Хьялли в песнях об Атли («Гренландские Речи Атли», ст. 61—64; ср. «Гренландская Песнь об Атли», ст. 22—25), но контраст между дрожащим сердцем труса и бестрепетным сердцем, вырванным из груди Хёгни, служит, разумеется, отнюдь не комическим целям.

⁶ Höfler O. Götterkomik. Zur Selbstrelativierung des Mythos. — «Zeitschrift für deutsches Altertum und deutsche Literatur», C. Bd. 1971, H. 5, S. 371—389.